

А. Н. Пыпин в своем „Очерке литературной истории повестей и сказок русских“¹ считал, что это чисто литературная сатира, и осторожно датировал ее XVI—XVII веками. Д. А. Ровинский² и А. Н. Афанасьев³ вслед за Сахаровым относили „Повесть“ к XVI веку. К этому же времени склонен был относить ее и И. М. Снегирев.⁴

И. А. Шляпкин высказал другую точку зрения. Он различает в „Повести“ 2 извода. Первый извод, по его мнению, появился „вероятнее всего, в ближайшую после «смуты» эпоху, когда права на владение являются наиболее спорными ввиду потери старых памятней и когда процветают разбой“. К первому изводу примкнула легенда о тяжбе за Ростовское озеро между потомками Петра Ордынского и ростовскими князьями. На основе этого материала появился второй извод „Повести“, составленный по „Уложению“ Алексея Михайловича. Чтобы устранить неизбежные возражения против такого вывода, указывающие на наличие в „Повести“ старинных судебных терминов, известных задолго до „Уложения“ и не вошедших в него, таких как „доводчик“ и „судные мужики“ (т. е. „судные мужи“),⁵ автор вынужден сделать неправдоподобное предположение, что „это могут быть вставки, сделанные впоследствии, в силу местного обычая, особенно на Севере, в Новгородской волости“.⁶ К точке зрения Шляпкина примкнул Ф. П. Сушицкий с оговоркой, что он считает „все же пока мало обоснованным это утверждение“.⁷

Ввиду противоречивости и неясности суждений о времени и месте составления „Повести“ В. П. Адрианова-Перетц пришла к мысли о необходимости заново пересмотреть списки „Повести“, чтобы устранить неясности, не разрешенные предшествующими исследователями. В результате этой работы выяснилось, что „образующие ее (повесть,— Н. Б.) судебные формулы в большинстве своем очень старые... гораздо старше «Уложения»... Поэтому нет никаких оснований принимать категорический вывод проф. Шляпкина: «... совершенно тем же порядком протекали земельные тяжбы и в XVI в.»⁸ Но, сделав этот вывод, автор все же находит, что „одно сопоставление с документами не может еще решить вопрос о времени ее создания“, так как „язык судебных (как и других) документов Московской Руси был чрезвычайно консервативным. Гораздо более показательна в данном случае самая форма пародии, которая делается употребительной в литературе второй половины XVII в.“. Автор приходит к выводу, что „литературные признаки скорее говорят за то, что повесть о ерше создана не в первой, а во второй половине XVII в.“⁸

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 299—300.

² Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. V. СПб., 1881, стр. 151—154.

³ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. 1. М., 1897, стр. 62.

⁴ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 59—66.

⁵ „Доводчиками“ назывались в Судебниках лица, на обязанности которых лежал вызов сторон на суд (в провинции). „Судные мужи“ для XVI века представляли уже пережиток старины — отголосок прежнего участия в суде населения. Они как знатоки местного обычного права должны были наблюдать за правильностью судебного процесса и могли вмешиваться в его ход.

⁶ И. А. Шляпкин. Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове. ЖМНП, 1904, август, стр. 380—400.

⁷ Ф. П. Сушицкий. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и челобитная Петру Алексеевичу. Филологические записки, Воронеж, 1913, IV, стр. 534—546.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 145.